

Полуденный холодный ветер просачивался сквозь прорехи в стенах, с воем врываясь в это помещение, которое с большой натяжкой можно было назвать классом, переделанным из заброшенного склада.

В комнате не было ни малейшего намека на порядок. Западная стена облупилась, пласты штукатурки отваливались огромными кусками, обнажая серую, покрытую налетом кирпичную кладку. В углах грудились обломки камней, куски старой древесины и скопившаяся за годы пыль, подернутая толстым слоем инея.

Железная крыша проржавела насквозь, во многих местах зияли дыры, через которые время от времени внутрь прорывался мелкий снег. Он оседал на полу, на партах и плечах детей, принося с собой пронизывающий холод.

Так называемое учебное оборудование выглядело до нелепости убого.

Старые, потрескавшиеся длинные деревянные столы были сдвинуты как попало. Их поверхность, неровная и бугристая, пестрела глубокими порезами, следами от ожогов и трещинами. Края столов стерлись и превратились в бахрому, пропитанную въевшейся грязью и серо-бурым налетом.

Соответствующие им деревянные табуреты были в еще худшем состоянии: ножки разной длины и расшатаны. Стоило кому-то хоть немного пошевелиться, как по всему классу раздавался резкий, раздражающий скрип трущегося старого дерева — сухой, неприятный звук, который в мертвой тишине помещения резал слух своей навязчивостью.

Ни ламп, ни печей, ни каких-либо приспособлений, чтобы согреться. Лишь бледный, тоскливый дневной свет пробивался сквозь щели в дверях и окнах, едва освещая это тесное пространство, пропитанное ложью и дрессировкой.

Байли И неспешно вошел в класс. Его взгляд равнодушно скользил по царившей вокруг разрухе, в душе не шевелилось ничего.

— Эй, новенький.

Сбоку внезапно раздался небрежный, раздраженный голос подростка.

Байли И повернул голову. На него смотрел худощавый мальчишка-вайверн. Позади него волочился холодный, покрытый грубой чешуей хвост. Чешуя была тусклой — верный признак Зараженного, долгое время страдавшего от эрозии Ориджиниума и недоедания.

На лице подростка застыло не свойственное его возрасту оцепенение и приземленность. В руках он сжимал две потрепанные тонкие книжонки. Страницы их пожелтели и почернели, края загнулись и пошли волнами. На обложках не было названий — лишь размытый,

выцветший герб империи Урсус.

Юноша не удосужился протянуть книги вежливо. Он небрежно взмахнул кистью, и две брошюры с глухим стуком упали на старую парту перед Байли И, подняв облачко пыли.

В этот самый момент взгляд подростка случайно упал на шею Байли И.

Там, под кожей, отчетливо проступали несколько жутких черно-желтых кристаллов Ориджинума. Твердые, холодные линии минеральных наростов выглядели пугающе — это был характерный след орипатии, яркий и вызывающий.

Заметив это уродство, юноша с хвостом ящера мгновенно помрачнел. В его глазах промелькнуло нескрываемое отвращение, он нахмурился и инстинктивно отпрянул, словно один взгляд на это был осквернением. Презрение и неприязнь в его глазах не нуждались в словах.

Байли И слегка замер, его длинные драконьи зрачки едва заметно дрогнули. В душе поднялся странный, холодный смех.

Зараженный... презирает Зараженного?

Они — те, кого империя выбросила на свалку, те, кого пытается орипатия, те, кто влачит жалкое существование в грязи этого ада. Все они — муравьи, борющиеся на грани жизни и смерти, готовые в любой момент быть раздавленными. Казалось бы, им следовало сочувствовать друг другу, искать утешения друг в друге.

Но в этой искаженной шахте даже самые несчастные начали топтать и презирать друг друга, пытаясь через унижение еще более слабых хоть на миг почувствовать свое жалкое превосходство.

Искаженность человеческих душ была куда страшнее, чем мутации от орипатии.

Байли И подавил холодную усмешку, поднял со стола потрепанную книжицу и провел пальцами по шершавой, ломкой бумаге. Он медленно перевернул страницу.

Содержание книги — слово за словом — было тщательно выверенной ложью, пропитанной экстремальной, фанатичной пропагандой.

Черным по белому там излагалась одна и та же застывшая, кривая доктрина:

Зараженные — это врожденные носители греха, ходячие источники загрязнения, отбросы цивилизации и пятно на репутации империи.

А солдаты Урсуса, администраторы и имперский порядок — это высшая справедливость, милость, дарующая спасение страждущим.

Весь текст книги был нацелен на то, чтобы принизить, очернить и оклеветать Зараженных, используя лживые формулировки для прикрытия имперской жестокости и гнета.

Зараженные рождаются неполноценными, их тела больны, они обременены грехом и являются угрозой для цивилизации Терры.

Империя Урсус приютила скитающихся Зараженных — это высшее проявление широты души и милосердия.

Империя предоставляет вам крепкий кров, защищающий от ветра и дождя, положив конец вашей жалкой жизни в ледяных пустынях, где вы были бездомными!

Империя выдает вам паек, спасая от голодной смерти в лютые холода, чтобы ваши тела не гнили в диких краях!

Даже если ваши грехи тяжки, а недуги неизлечимы, империя все равно собирает останки умерших, чтобы после смерти вас не бросили без погребения!

Это величайшая милость Урсуса! Но подлые Зараженные не знают благодарности, пытаются уклониться от искупления и даже нападают на имперских инспекторов — этому нет прощения!

Эти строки, режущие глаз, раз за разом промывали мозги детям — тем, чье сознание еще не сформировалось, кто оказался в безвыходной ситуации и не имел права выбора.

Использовать ложную доброту, чтобы привязать к себе страдальцев; использовать искаженную справедливость, чтобы скрыть массовые убийства; выжечь в людях самую мысль о сопротивлении, заставить их признать свою вину, смириться с издевательствами и добровольно стать расходным материалом, чью жизнь империя выжмет до последней капли.

Байли И быстро пролистал страницы и захлопнул книгу.

В душе осталась лишь холодная усмешка.

Так называемый урок, так называемое обучение — от начала и до конца это была лишь духовная кастрация несовершеннолетних Зараженных.

Уничтожить самоуважение, стереть мысли, приручить души, чтобы поколение за поколением дети искренне верили в свою никчемность и греховность, добровольно склоняли головы, безропотно работали в шахтах до самой смерти и становились самыми послушными, дешевыми

и кроткими расходниками империи.

В тот момент, когда он погрузился в раздумья, у входа в класс слышались тяжелые, твердые шаги армейских сапог.

Ток. Ток. Ток.

Ритмичные, тяжелые, полные армейской жестокости и угрозы, они приближались с каждым шагом.

В класс медленно вошел мужчина средних лет в форменном мундире темно-зеленого цвета.

Мужчина был статен и высок, плечи расправлены, мундир застегнут на все пуговицы, которые отливали холодным металлическим блеском.

У него было темное, худое лицо, выдающиеся скулы и узкие, холодные глаза. В глубине их постоянно застыли мрак и свирепость. Там, куда падал его взгляд, даже холодный ветер, казалось, замирал.

Он не произнес ни слова, просто встал перед учительским столом. Его холодные, жестокие глаза, словно у судьи, рассматривающего заключенных, медленно обвели каждого ребенка-Зараженного в классе.

В тот же миг в классе, где еще секунду назад слышался шорох страниц и тихая возня, воцарилась гробовая тишина.

Все дети в едином порыве задержали дыхание. Никто не смел поднять головы, никто не смел пошевелиться, никто не смел издать ни звука.

Давящая атмосфера мгновенно накрыла склад, распространяя немой, предельный страх, от которого сжималось сердце.

— Встать!

В этой тишине мужчина в мундире внезапно сделал глубокий вдох, и его резкий, сухой, наполненный ледяным давлением голос громом разнесся над классом.

Десятки детей — больших и маленьких — действовали синхронно. Без малейшего колебания они вскочили со своих кривых табуретов. Их тела напряглись, спины вытянулись в струнку.

— Отдать честь!

После второй команды все дети одновременно подняли правые руки, сжатые в кулаки, и приложили их к груди. Стандартные жесты, остекленевшие лица — они были словно запрограммированные марионетки.

Детские, хрупкие, бледные или истощенные голоса слились в один хор, эхом отдаваясь в полуразрушенном классе. Слово за словом они произносили заученную клятву:

— Я клянусь не предать доверие империи, усердно учиться, соблюдать долг и быть верным Урсусу!

— Отдать все свои силы на благо империи, следовать правилам и искупать грехи, и даже если придется отдать жизнь, у меня не будет ни обид, ни сожалений!

Слова клятвы, звучащие как одно целое, наполнили помещение. Искренность и усердие в их тоне делали этот фарс с промывкой мозгов еще более нелепым и циничным.

Байли И стоял среди них, бесстрастно повторяя движения остальных. Правая рука сжата в кулак у груди, губы шепчут стандартную клятву, на лице — ни тени эмоций.

Но внутри у него не осталось ничего, кроме бесконечного равнодушия и насмешки.

Отдать все силы?

Работать на благо империи?

Если говорить прямо, это значит просто быть брошенным в непроглядную шахту, до изнеможения, день и ночь, выжимать из себя все соки, пока не выжмешь последние крупички ценности, а затем тихо умереть в глубине ледяных равнин, где даже кости твои никто не найдет.

Вот что они называют милостью и преданностью.

Скучая, Байли И вместе со всеми завершил клятву. Он позволил мыслям улететь вдаль, наблюдая за этим абсурдным ритуалом со стороны.

Но тут на него внезапно уставился холодный, пронизывающий взгляд, полный подозрительности и злобы.

Взгляд, острый как нож и холодный как иней, нес в себе давление властителя и жестокость надзирателя. Он буквально пригвоздил Байли И к месту, заставляя тело застыть.

Байли И слегка скосил глаза и, не подавая виду, поднял голову, прямо встретившись с этим тяжелым взглядом.

В момент, когда их глаза сошлись, воздух словно застыл.

— Ты!

Мужчина в форме прищурился, поднял руку и указал прямо на Байли И — выделяющегося своей светлой шевелюрой и чужим лицом. Его голос стал яростным и злобным, не скрывающим презрения и неприязни:

— Ты, зеленоволосый выродок! Новенький! А ну иди сюда!

Он смотрел на еще по-детски хрупкого Байли И сверху вниз. В его глазах читалось высокомерие того, кто привык топтать слабых, а ледяное давление обрушилось на мальчика всей мощью.

Раздался строгий окрик:

— Имя!

Байли И оставался спокойным, ничуть не испугавшись. Его губы едва заметно дрогнули, и он произнес по слогам, холодным и твердым голосом:

— Бай... Ли... И.

— Байли И, значит? — мужчина помрачнел, запоминая имя. Его тон стал жестким и властным, каждое слово звучало как угроза. — Запомни: с сегодняшнего дня в этой шахте и в этом классе все правила и все дела — только по моей команде! Понял?!

На последних словах он повысил голос и рявкнул, отчего его свирепый рык ударил по ушам и заставил сердца в классе дрогнуть.

Все дети сжались, втянули головы в плечи, боясь даже вздохнуть. Атмосфера страха окончательно заполнила пространство, дышать стало невозможно.

И только Байли И, стоявший в эпицентре бури, оставался невозмутимым.

Переживший ад ледяных пустошей, видевший бесчисленные смерти и бури, он давно перестал бояться подобных громких криков и угроз.

В его глазах по-прежнему было холодно и спокойно. Без страха и колебаний он молча смотрел на этого мужчину в мундире, который пытался казаться грозным, но на деле был лишь трусом, прикрывающимся властью.

В мертвой тишине класса началось их немое противостояние.

<http://bllate.org/book/22376/2347545>